

Нерубайский *underground*

Дайте обезьяне карандаш, белый лист бумаги и посмотрите, каков получится рисунок. Картина будет сродни экспрессионизму: хаотичные хитросплетения линий и зигзагов, не поддающихся осмыслению. Так вот, примерно подобным образом выглядит план одесских катакомб.

Проникнуть в них достаточно легко любому мало-мальски настойчивому желающему. Выйти, как правило, гораздо сложнее. Одесские катакомбы представляют собой запутанную сеть лабиринтов, протянувшуюся на многие сотни километров под городом и окрестностями. В разные времена в них скрывались деятели различных подпольных организаций: начиная от сатанистов и революционеров, заканчивая контрабандистами и партизанами. В честь последних даже открыли подземный музей в селе Нерубайском, около Одессы. В советскую эпоху он являлся одним из самых посещаемых музеев такого рода в мире. Теперь же редкая экскурсионная группа пройдет со свечками в руках по его мрачным коридорам, уставленным убогими предметами партизанского быта.

Одна из таких групп иностранных туристов направлялась в сторону Нерубайского на заказном микроавтобусе по объездному шоссе в погожий сентябрьский день. В пятнадцать часов пополудни микроавтобус миновал заправочную станцию при выезде из села Усатово и вышел на встречную полосу для совершения обгонного маневра. В это мгновение в него сзади врезалась легковая автомашинка марки "Волга", и все как один проезжавшие мимо водители ехидно ухмыльнулись: "Только в Одессе, совершая обгон, можно получить удар в зад!". Началось разбирательство, экспертиза ГАИ, звонки друзьям и знакомым, а также вызов другого микроавтобуса для гостей не ближнего зарубежья.

А в эту самую минуту на глубине двадцати одного метра под местом столкновения, в узком лазе бокового хода заклонило любителя катакомб Засыпкина, состоявшего при городском военно-патриотическом клубе.

Засыпкин крепко застрял между утрамбованным дном и кровлей коридора. Он лежал на животе с вытянутыми вперед руками и пытался воздействовать на своего напарника словесным методом:

— Шишкин, грёбаный-потрепанный! Двумя руками ухватись, двумя! Ты что, похоронить меня здесь решил? Тяните, граф, тяните же!

— Сделай глубокий выдох и замри, — отвечал вспотевший Шишкин, тужась изо всех сил.

Засыпкин попался, как новичок. Совершил непростительную для себя ошибку. Он заполз в лаз на животе и застрял на конусообразном возвышении дна. Его ноги беспомощно болтались в поисках точки опоры. Локти бездействовали в узкой дыре. Перевернуться на спину, чтобы согнуть ноги в коленях и оттолкнуться, теперь не было никакой возможности.

— Мечта у меня появилась, — рассуждал Шишкин, сантиметр за сантиметром вытягивая товарища.

— Какая еще мечта?

— Хочу выпрямиться в полный рост, по-человечески. Провести тридцать часов в подземелье со средней высотой потолка в метр — это ж двинуться можно!

— Еще чуть-чуть! — обрадовался Засыпкин. — Кажется, пошло!..

— У меня вся спина ободрана, — жаловался Шишкин, игнорируя восторг товарища. — Шрамы, наверное, останутся. И по-маленькому здесь ходить неудобно.

— А ты лежа ходи.

— Это как?

— Очень просто. Ложишься на бок, достаешь хозяйство и вперед.

Шишкин на мгновение задумался. Затем глубоко вздохнул, напрягся и выволоч на центральную штольню застрявшего напарника. Тот встал на ноги, отряхнулся, нацепил на пояс шахтерский коногон и зашагал по коридору, согнувшись в пояснице. Шишкин последовал за ним, спотыкаясь о камни и задевая плечами нависшую кровлю.

На каждом повороте Засыпкин замедлял шаг, высматривая на полу блестящие пикеты. Каждый такой значок был установлен в ходе прошлых экспедиций и маркировал в этом труднодоступном районе трассу на базу "Парашютисты". До ближайшего выхода на поверхность отсюда более двух километров. Даже для тренированного человека этот маршрут совсем не легок и занимает несколько часов. Никакие любители подземного экстрима и аматеры от спелеологии сюда не добирались (по крайней мере, самостоятельно). Редкими были даже визиты профессиональных спелеологов.

Последний раз экспедиция работала в районе базы "Парашютистов" три недели тому назад. Засыпкин участвовал. Он захватил тогда с собой пятилитровый бочонок вина. Однако группа подобралась из малоопытных людей. После рабочего дня за ужином все опрокинули по стакану вина и молча улеглись спать. Поэтому перед уходом с базы почти полный бочонок пришлось спрятать в камнях бутовой стенки, дабы не тащить груз обратно.

Мечта сюда вернуться тлела в Засыпкине все это время и теперь была близка к своему осуществлению. Налегке в компании с Шишкиным они вышли два с половиной часа назад с базы "Махно", расположенной в другой части лабиринтов, и уже находились в какой-нибудь сотне метров от заветной цели. Коллеги с "Махно" удивились такому безрассудному рвению, но отговаривать товарищей от тяжелого перехода не стали.

Друзья прошли последний сложный участок, протянувшийся по затопленным выработкам, миновали провал на нижний ярус, под кровлю заполненный солоноватой голубой водой. Переползли через зону завалов и, наконец, вышли к сбойке с шахтами послевоенного времени. Здесь, среди сдавленных толщей земной породы коридоров с выпуклыми, словно животы беременных женщин, желтыми стенами, прятался долгожданный зал "Парашютистов".

Напарники нырнули в темную щель сбойки, повернули за угол и... наскочили на препятствие. Путь преграждал обвал. Груда рваных плит известняка и комья красной глины лежали там, где еще недавно находился проход на базу.

— Стенка родила, — констатировал Засыпкин. — Она еще в прошлый раз сыпаться стала. В ней ниша находилась с иглами для примуса. Я всё забрать хотел, да медлил. Жалко.

Некоторое время они молча смотрели на завал, пока Засыпкин не принял решение:

— Пойдем в обход, — и нырнул обратно в сбойку.

Высвечивая путь тусклым лучом света, он суетливо продвигался вперед, внимательно вглядываясь в обозначения на поворотах и что-то бормоча себе под нос. Миновав с десяток боковых ответвлений, друзья свернули в широкий коридор и остановились перед забутованным ходом.

Засыпкин отставил коногон в сторону, поджег свечу, укрепил ее на ближайшем камне и принялся разбирать забутовку:

— Тут метра четыре, должно быть. Не больше, — говорил он. — Затем пойдет нормальный ход. А там два поворота — и мы на "Парашютистах".

Шишкин принимал разбитые бутовые камни и аккуратно складывал их с краю. Выложенная им стенка постепенно выросла до кровли. Передвигался он с трудом. Поясница болела. Стонали ноги и шея. За шиворот, в карманы комбинезона и даже в трусы набилась известняковая крошка.

Засыпкин тем временем успел разобрать ход наполовину. Он вытаскивал голыми руками тяжелые булыжники и перекатывал их через себя напарнику.

— Шишкин, а Шишкин? — вопрошал из ниши Засыпкин. — Я вот все думаю: ты Шишкин-еловый или Шишкин-кедровый, а?

Товарищ громко сплюнул и ответил обиженным тоном:

— Вот зарабатываю тут с тобой грыжу, а ты все шутишь!.. И что мне мешало в субботу поехать к Любке на дачу? Кувыркался бы сейчас с ней, а не завалы разбираю...

— Оставь! — восклицал Засыпкин, передавая очередной камень. — Не стоят эти бабы нас, молодых и красивых.

Шишкин принял булыжник и отбросил его в сторону.

— Вот подумай только, — продолжал любитель подземелий, — моя Вика променяла меня — племенного муравья — на эти вонючие зеленые бумажки! Моим чувствам, розовым и нежным, предпочла какие-то низменные потребности!

— Что ж ты с ней носился так долго?

— Любовь, — вздохнул Засыпкин и ухватился за следующий камень. — Любовь, брат. Я к этой женщине, можно сказать, подход искал.

— Ну и как? Ты ее хоть это... пропустил-то пару раз?

— Да всего один только, за целое лето.

— Да, — сочувственно вздохнул Шишкин.

— Я ей прямо говорю, — увлекся Засыпкин. — "Так и будешь всю жизнь в девках ходить? Тебе уже двадцать пять. Скоро никто в твою сторону и смотреть не станет". А она старшую подругу в пример приводит: "Вон Валька за сорокалетнего вышла. И ничего. Живут. Такие мужики в самом соку. Они знают, чего хотят от этой жизни". Ты понимаешь, о чем это она? Выходит, что я не знаю, чего хочу в жизни!..

— А действительно, — поинтересовался Шишкин, — чего ты в ней хочешь?

— Я? — призадумался Засыпкин.

И тут же ответил:

— А не пошел бы ты со своими снобистскими вопросами?..

Очень скоро их труд был вознагражден появлением узкой темной дыры в забутовке, открывавшей путь к вину. Засыпкин протиснулся в лаз, подтянулся на локтях, оттолкнулся ногами и исчез в черном пространстве. Спустя минуту он вернулся с пластмассовым бочонком в руках. Спелеолог бережно передал сосуд Шишкину и затем вылез сам.

— Заодно и дело доброе сделали! — воскликнул любитель подземелий, стряхивая с рукавов пыль. — Расчистили обходную дорогу на стратегически важную базу.

— Как же расчистили? — возразил Шишкин. — Тут такая узкая щель, что не всякий пролезет! Еще расчищать и расчищать.

Засыпкин ухватил бочонок, нацепил фонарь, сделал несколько шагов в сторону центрального коридора и произнес:

— Пускай дальше расчищают те, кому больше нечего делать.

Обратный путь всегда кажется короче. Двигались быстро и легко, на удивление без частых перекуров. Засыпкин периодически подкреплялся из бочонка, аргументируя тем, что груз тяжело нести. Наконец расслабился настолько, что позволил себе дважды пропустить нужный поворот. Первый раз друзей занесло в низкие и опасные выработки с плохой, осыпающейся кровлей.

— Не переживай! — заверял Засыпкин, — Тут потеряться практически невозможно.

— Я вижу, — отвечал Шишкин.

Ползком и на четвереньках они выбрались обратно на центральный ход и продолжили путь. По дороге нашли старинную керосиновую лампу с клеймом: "Shapiro&Freedman".

Вторая оплошность завела друзей в какую-то залитую водой галерею, и Шишкин промочил ноги.

— В катакомбах пропадают либо дураки, либо самодуры, — философствовал проводник после благополучного возвращения на проторенный маршрут. — Как только начинаешь мнить себя профессионалом, тут же теряешь бдительность и совершаешь ошибку.

На стыке районов "Шестые шахты" и "Гидромет" было решено сделать привал. Засыпкин открутил крышку бочонка и снова хлебнул вина:

— Плохо, маслин нету. Я вино с маслинами люблю.

Шишкин устроился на плоском камне и принялся вытряхивать грязь из ботинка. Его непригодные для подземных походов туфли давно протерлись.

— Ты откуда так хорошо катакомбы знаешь?

Засыпкин оторвался от горлышка, передал бочонок напарнику и сказал:

— У меня чутье. Это семейное. Папаша в свое время горным мастером работал на выработках у Дофиновки. Даже отсидел за это дело, при совдепе.

— Натворил чего-нибудь?

— Два было прецедента. Сперва шахтер пьяный на работу приперся и в забой полез. Батя его в таком состоянии не пустил. Под землей, все-таки, работают люди. Чувак смертельно обиделся: "Раз вы мне работать не даете, — говорит, — то и я вам не дам!". Подскочил к трансформаторной

будке, оторвал крышку, ухватился рукой за рубильники. А там три тысячи вольт. Питание по кабелям для камнерезных машин идет. Короче, дегенерата этого взрывом в сторону отбросило.

— Убило?

— Какой там! Счастливчик. Всего лишь рука сгорела... Вот... А бате, значит, строгий выговор и все дела. Потом другой случай был. Бригады в закрытых выработках лес воровать подрядились. Выносили подпорные бревна наверх и продавали. Брали, конечно, с умом, в тех местах, где кровля могла выстоять и без подпорок. Ну а там, где явная угроза обвала, — не трогали. Так вот, нашлось трое деятелей, которые с папашиного участка решили унести оставшееся дерево. Залезли. Отыскивали подпорную арку. Забили клинья и стали выбивать. На втором бревне — два трупа и один покалеченный. Тут началась инспекция, проверки, дело завели и все последствия.

Шишкин надел туфли и поднял фонарь. Засыпкин сделал напоследок пару больших глотков и тоже встал:

— А хочешь, — вдруг воскликнул проводник, — пройдем на "Махно" через музей?

— А зрители как же?

— Нет там никаких зрителей! Сторож да директор. А этот боится даже в подвал собственного дома один спуститься...

Подземный музей партизанской славы в Нерубайских катакомбах представляет собой длинную укрепленную штольню, отгороженную от "диких" катакомб решетками и массивными железными дверьми. В музее воссоздана реальная обстановка подземной партизанской базы отряда Молодцова-Бадаева, который находился в этих лабиринтах осенью и зимой сорок первого года. Периодически в заповедный район проникают некоторые из спелеологов через открытые ими тайные лазы или сломанные решетки. Проникают из простого любопытства или в целях самоутверждения.

Особо пристальным вниманием к музейной штольне прославился любитель подземелий по прозвищу Фриц. Этот авантюрист не один раз покрывал под землей большие расстояния с тем, чтобы добраться до решетки на одном из боковых ходов, соединяющихся с музеем. Там он снимал с себя комбинезон, оставаясь в матросской тельняшке. Его внешний облик полностью сливался с окружающей культурно-мифологической средой. Фриц выключал фонарь и, притаившись, садился ждать.

Через некоторое время в темном музейном коридоре появлялась туристическая группа. Как правило, она состояла из иногородних граждан.

Каждый из туристов сжимал в руках горящую свечку. Ни о чем не подозревавшие экскурсанты медленно приближались к засаде. Они с трепетным ужасом внимали словам проводника. Следовали за ним дружной кучкой, опасаясь таинственных лабиринтов: перед спуском бедняг предупредили о возможности быстро заблудиться. Экскурсовод рассказывал неискушенным туристам о тяготах партизанской жизни в многокилометровых заброшенных выработках. Об их голодных буднях во время газовых атак немецких оккупантов.

И вот, выждав, пока группа поравняется с его боковым ходом, Фриц внезапно выпрыгивал на решетку с булыжником в руке, принимался стучать по железным прутьям и неистово орать: "Хлеба! Хлеба! Хлеба!..".

Половина туристов во главе с экскурсоводом падала в обморок на месте. Остальные в истерике разбегались по лабиринту музейных коридоров. Фриц возвращался на базу, удовлетворенный и охрипший...

Спелеолог Засыпкин уверенно шествовал по центральной галерее, перекладывая бочонок из одной руки в другую. Вино плескалось внутри, создавая упоительный звук, напоминавший удары далеких тамтамов. Потолки стали чуть повыше, и на некоторых участках можно было двигаться в полный рост. На пути встречалось все больше надписей, знаков подземного ориентирования и рисунков. Кое-где валялись бутылки и обрывки газет, покрытых белыми коронами грибковой плесени.

Вскоре напарники пересекли зольную кучу, образовавшуюся под скважиной в потолке, и очутились перед массивной железной дверью. Засыпкин заглянул в достаточно широкую щель. Затем ухватился за ручку и с силой потянул на себя. Дверь визгливо закрипела, и в проем стал виден ржавый амбарный замок, болтавшийся на сломанной петлице. Специалист по катакомбам расчистил от известняковой крошки пол и потянул еще раз. После чего проскользнул в образовавшийся проход, принял из рук Шишкина бочонок, подождал, пока пролезет напарник, и закрыл дверь обратно.

В целях безопасности штольню партизанского музея одели в бетон. "Дикие" катакомбы она мало чем напоминала. Довольно несложная, замкнутая система коридоров. На потолках — проводка и заплесневелые патроны от лампочек. Когда-то все лампочки были вкручены и исправно горели целый день.

Друзья миновали небольшую комнату с барельефом плачущей женщины на стене и загадочным возвышением посреди площадки, огороженной цепью и украшенной увядшими цветами. Пояснительная табличка

гласила, что холм является не чем иным, как могилой партизана Ивана Ивановича Иванова, погибшего здесь при героических обстоятельствах.

На следующем перекрестке располагался импровизированный дзот с деревянной винтовкой в смотровом окошке. У винтовки было обломано дуло.

Дальше находилась баня партизан, подземный колодец с плавающим кочаном кукурузы, спальня с ржавыми остатками панцирных кроватей. За ними, в самом центре музея, была обустроена импровизированная ленинская комната и военно-полевой штаб. Здесь Засыпкин остановился. Он снял затертую штормовку, бросил ее на лежанку, поставил на стол бочонок и по-хозяйски уселся возле красного уголка. Чувствовалось, что он здесь не впервые. Шишкин примостился на втором лежаке.

Интерьер помещения составляли две каменные лежанки, между которыми располагался сложенный из каменного бута стол. На нем стояла дряхлая печатная машинка и коптилка из сплюсненной гильзы. В дальнем углу висело красное знамя и портрет Ленина. Напротив возвышались муляжи винтовок и позеленевшая от сырости амуниция. На гвоздике у знамени висела шинель. Рядом, в рамке под стеклом — прокламация к гражданам Одессы и Одесской области, датированная 15 октября 1941 года — последним днем обороны города. В этот день (точнее, в ночь) Бадаев с дивизионным отрядом ушел в подполье.

Засыпкин плотоядно взглянул на бочонок и вдруг воскликнул:

— Что тут осталось пить? На всех наших все равно мало. Зато нам с тобой — в самый раз.

Напарник отозвался скептическим взглядом.

— А ребятам скажем, что вино не нашли. Не добрались до базы... Давай, Шишкин, не ломайся, как гимназистка на первом свидании! У меня душевная травма на почве неразделенной любви. В самый раз ее залить. Тем более что под рукой четыре литра вина, которые нужно срочно выпить, а то завтра не будет.

Шишкин прильнул к горлышку первым и начал пить большими глотками, проливая темно-красную жидкость мимо рта.

— И все-таки жаль, — снова высказался Засыпкин, принимая бочонок, — что маслин нету.

Через пятнадцать минут половина винных запасов уже плескалась в животах двух коллег.

— Шишкин, толкай тост! Сымпровизируй чего-нибудь, — заплетаясь, восклицал спелеолог, передавая сосуд. — Не тяни резину в долгий ящик.

Напарник замахал руками:

— Всё, не пью. Русский знает меру!
— Какая мера? — захохотал Засыпкин. — Какой такой русский?.. Нашелся, богемный деятель районного масштаба! Бляха с мухой! Да тут пить нечего!

— Уйди! — отнекивался Шишкин. — У меня изжога.
— У всех изжога!
— Не в кайф уже...
— Сейчас допьем, и будет в кайф. Давай, не позорь мою седину. Не то явится белый карлик и объяснит тебе политику партии.

Шишкин прильнул к бочонку, немного отпил и вытер рукавом подбородок:

— Какой еще карлик?
— Белый. Он живет в районе "Махно". Его Фриц видел, когда шел по...
— Фриц? Кто такой Фриц, я его знаю?
— Вряд ли. Он в химчистке работает.
— Кем работает?
— Сапожником. У них там ремонт обуви...
— В химчистке?!
— Фу ты, ёлки! Ну а где же еще? Не перебивай!.. Так вот, шел он однажды ночью по централке и вдруг смотрит — на дороге стоит карлик. И весь белый. Фриц как закричит от испуга, да как побежит! И карлик тоже — испугался и тоже понесся куда глаза глядят. Так они метров сто по кольцу пробежали, пока снова не встретились. Тут Фриц от страха сам весь побелел и показал карлику кулак. Тот испугался и убежал.

— А Фриц?

— А Фриц пришел на базу, разбудил ребят и организовал на карлика облаву. Но поймать его так и не удалось. Карлик обозлился и с тех пор бродит по лабиринтам и мстит спелеологам...

Не дослушав историю до конца, Шишкин сполз на лежанку и захрапел. Засыпкин махнул рукой, допил остатки, положил под голову бочонек, укрылся штормовкой и примостился на своей койке.

Сон выпившего человека подобен сну младенца. Нарушить такой сон преднамеренно способен лишь человек жестокий либо непьющий.

Назвать жестоким человеком штатного экскурсовода одесского бюро экскурсий и путешествий Зинаиду Григорьевну можно было с натяжкой. Это качество характера она проявляла, пожалуй, лишь по отношению к своим домашним тараканам. Непьющей ее назвать также было трудно, поскольку непьющими в нашей стране являются только алкоголики. Поэтому все, что последовало дальше, можно назвать чистой случайностью.

А произошло следующее. После аварии на объездной трассе группа иностранных туристов все же прибыла к входу в музей села Нерубайского и поступила в распоряжение экскурсовода. Около часа группа бродила по заповедным подземельям, пока, наконец, не вышла к изюминке экспозиции — ленинской комнате и подпольному штабу.

Экскурсовод остановила группу и принялась декламировать давно заученный текст. Наемный толмач переводил.

— Мы находимся в святой святых подземного партизанского лагеря, — вещала Зинаида Григорьевна, расположившись спиной к объекту повествования. — Именно здесь дислоцировалось руководство отряда. Тут проходили подпольные партийные собрания. Отсюда Бадаев с товарищами по оружию уходил на поверхность для выполнения боевых операций. Интерьер и обстановка штаба реконструированы создателями музея и максимально приближены к реалиям тех дней.

В этот момент тело спелеолога Засыпкина, накрытое прожженной и залитой вином штормовкой, зашевелилось на койке у красного знамени. Иностранцы заметили в полумраке спящего, недоуменно зашептали и принялись щелкать своими фотоаппаратами. Они и не предполагали, что обстановка партизанской базы будет восстановлена так досконально.

От вспышек фотокамер напарники проснулись и показали приезжим свои недоуменные лица. Первым сориентировался Засыпкин. Он вскочил с лежанки, схватил штормовку, коногон и, воскликнув: "Что, опять на задание?" — исчез в темном коридоре. Шишкин бросился вслед за ним.

Интуристовский переводчик невозмутимо перевел. Восхищенные иностранцы взорвались аплодисментами. Одна Зинаида Григорьевна потеряла дар речи и потом еще долго не могла прийти в себя...

Спелеологи выбрались из музея через ту же дверь и в пьяном угаре побрели куда глаза глядят. Вернее, туда, где идти было удобнее всего. Засыпкин тяжело ступал по утрамбованному полу, и гул его шагов впитывался в прочные пористые известняковые стены. Он молчал, словно находясь в полудреме, и только угрюмо косился на товарища, который бодро напевал:

Всё перекаты, да перекаты,
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты
Плывем вперед по абрису...

— Уважаемый, — поинтересовался через некоторое время Шишкин, — безумно интересно: куда мы направляемся?

— На базу, — очнулся Засыпкин.

Они бродили так много часов, петляя по центральным галереям и кружа по кольцевым выработкам, но база никак не появлялась. Разуверившись в удачном исходе мероприятия, друзья решили пуститься на поиски обратного пути в музей и выйти через него на поверхность. Не сумев отыскать и этот путь, приступили к разведке новой дороги к выходам в Большой балке, приблизительно прикинув направление. Затем совершили отчаянную попытку найти старый проторенный маршрут к "Махно". Потерпев неудачу и здесь, окончательно размякший Шишкин предложил копать руками ход наверх в заполнении старого провала.

Засыпкин холодно отклонил предложение. Он сосредоточенно бродил по коридорам, высвечивая изрядно севшим фонарем знаки подземной топографии. На боковых ответвлениях спелеолог расписывался графитовым стержнем, чтобы не повернуть в них вновь. Наконец утомленные блужданиями друзья остановились на широком перекрестке и сели на утрамбованную колею шахтерских биндюг. Специалист по подземельям кратко резюмировал: заблудились.

Тут же последовал встречный вопрос: что же делать?

— Сидеть и ждать, — ответил Засыпкин и вздохнул. — Это же надо так опозориться. Наши будут смеяться.

Вдобавок ко всем несчастьям у Шишкина порвалось дно полевой сумки от аккумуляторных батарей. Сумку пришлось заменить подобранным в тупике полиэтиленовым пакетом.

При длительном плохом освещении в катакомбах начинают лучше работать органы слуха и обоняния. Здесь человек острее воспринимает любые звуки и запахи. Тем более что таковые под землей не очень-то и распространены.

Спасение двух заблудившихся авантюристов в буквальном смысле витало в воздухе. Отдышавшись и отдохнув, они учуяли слабый бытовой запах, который так характерен для обитаемых подземных спелеологических баз. При подходе к ним обычно чувствуется аромат еды, чая или гарь керосиновой лампы. В данном случае друзья распознали запах отхожего места, что тоже внушало определенные надежды.

В жилах утомленных героев вновь заиграла кровь. Друзья с новым рвением пустились на поиски спасительного источника запаха. И в результате непродолжительных хождений набрали на внушительную лужу человеческих экскрементов.

В потолке над лужей зияло полуметровое отверстие действующей

скважины, из которой ощущалась довольно сильная тяга воздуха. Засыпкин осторожно заглянул внутрь и разглядел тусклое пятно дневного света.

Шишкин стоял рядом и тоскливо наблюдал за происходящим. Знаток катакомб взглянул на него заблестевшими глазами и умоляющим тоном произнес:

— Тут метров семь, Шишкин. Всего семь метров. Это несколько минут усилий над собой, и мы на поверхности!.. Шишкин, не знаю, как ты, но я...

— Я тоже лезу! — поспешил вставить напарник.

Засыпкин застегнулся, закусил резиновый шнур от фонаря и попросил подтолкнуть. Затем уперся в стенки скважины коленями и спиной и подал руку товарищу.

Нет смысла описывать подробности столь мучительного подъема двух спелеологов и рассказывать о том, что они чувствовали. Читатель без труда дорисует детали в своем воображении.

Скажу лишь, что под конец Засыпкин уперся в дупло, вырезанное в деревянном настиле, из которого тянуло свежим воздухом. В отверстие ясно просматривалась дощатая крыша тесного строения. Несколькими ударами кулака он выбил ветхую доску, вытянул руки, ухватился за край, подтянулся и очутился в типичном сельском сортире, коих по всей нашей родине насчитывается великое множество.

В углу сортира стояло измятое жестяное ведро. Через широкие щели между ссохшимися досками пробивался солнечный свет и проникало прохладное дыхание осеннего ветра. Снаружи доносился далекий лай деревенских собак, мычание коров, крик птиц и прочей домашней живности. Где-то в поле тархтел трактор. Из неведомой радиоточки раздавалось: "Розпочинаемо ранкову зорьку!..". На деревянную крышу нехитрого сооружения сел воробей и стал выбивать клювом барабанную дробь.

Внезапно из скважины раздалось сопение, и вскоре из нее показалось вымазанное лицо Шишкина с фонарем в зубах. Засыпкин ухватил его за воротник и вытащил на деревянный помост.

Друзья распахнули дверь и вышли на улицу. Ослепительный мир бросился им в глаза всем своим великолепием и разнообразием красок. Свежий ветер колыхал пожелтевшие кроны садовых деревьев. Ватные облака плыли по бирюзовому небу. В огороде расхаживали куры, высккивая зерна и семена среди комьев свежевскопанной земли. Побеленная известью хата, спрятанная за сараем, дымила своей перекошенной жестяной трубой.

Напарники на мгновение замерли, впад в состояние блаженства. Мир вокруг них благоухал и цвел. И они чувствовали сейчас это как никогда ост-

ро, стоя посреди чужого огорода, измазанные нечистотами с ног до головы. Один с конононом в руках, другой — с кульком для аккумуляторов на шее.

Лишь через некоторое время они разглядели на фоне стволов фруктовых деревьев застывшую фигуру пожилой женщины с граблями в руках. Широкий подол ее платья подрагивал на ветру. Из-за ее массивного кирзового сапога взирала рыжая дворняга, не отрывая от незнакомцев своего ошалелого взгляда. Казалось, будто женщина с собакой случайно взглянули на мифическую Горгону и навеки превратились в каменные изваяния. Рот обоих был чуть приоткрыт. Онемевшие глаза словно выпали из орбит.

Друзья быстро сообразили, что надо пользоваться моментом, и тихо продефилировали через весь огород в сторону калитки. Проходя мимо оцепеневшей хозяйки, Шишкин не удержался и вежливо заметил: "У вас в уборной бумага закончилась".

Спелеологи спустились по улице до центра села, производя гипнотизирующее воздействие на местных жителей. Стаи уток и кур спешно уступали им дорогу. Собаки не смели даже гавкнуть вслед. Воробьи разлетались в стороны, когда они проходили мимо.

- У тебя деньги есть? — спросил напарника Засыпкин.
- Пару рублей найдется, — утвердительно кивнул Шишкин.
- Маслин хочется. Тут магазин есть недалеко...

И уже через полчаса, коричневые и вонючие, они шли по краю Большой балки и ели черные испанские маслины. Темно-красный диск утреннего солнца слепил им глаза. Кое-где по склонам балки желтели пятна известняковой породы. То тут, то там в этих обнажениях зияли черные рваные дыры катакомб. Два спелеолога не торопясь шествовали к своему привычному старому входу, отстреливаясь по дороге скользкими продолговатыми косточками от назойливых и шумных гусаков.

